

Традиции национальных культур

М.Н. Винникова

Белорусская наметка — хранительница мировоззрения древних славян

Традиционный костюм каждого народа — это символическое выражение его духа и национальных представлений о красоте и целесообразности. На его формирование влияли как объективные факторы — природно-климатические условия, особенности исторического, экономического и культурного развития, торговые связи и миграционные процессы, так и характер народного мировоззрения, которое порождало стройную семантическую систему, объединявшую в единое целое все сферы жизни человека, а также его связь с космосом, с тонким миром. Это очень хорошо прослеживается на примере традиционного костюма славянских народов, в частности белорусского.

Наибольшее внимание уделялось женскому костюму. Женщина — продолжательница рода и хранительница семейного очага, поэтому ее костюм по сравнению с мужским имеет более сложные формы и таит в себе древнюю семантику как орнаментального украшения, так и составляющих его частей. Одним из самых семантически богатых предметов белорусского традиционного

Петр Евсеевич из Гольнца. Рождество Богоматери. 1649 г. Фрагмент. Белорусская школа. Национальный художественный музей Беларуси

костюма является женский головной убор ручникового типа. В разных местах Беларуси он имел свои особенности, отличался размерами, орнаментом и способами ношения. Различными были и местные названия: *плат*, *хуста*, *сярпанка*, *намёт*, *павівала* и др. Но самое распространенное название — *наметка*. Развернутая наметка выглядит довольно просто: это очень длинный кусок тонкой белой или светло-серой льняной ткани (до трех с половиной и более метров), концы которой обычно украшены неширокими орнаментальными бордюрами.

XVII в.: «Рождество Богоматери», «Вознесение Марии», «Воскресение — Сошествие во ад»⁵ и др.

По данным исследования Г.С. Масловой, в конце XIX — начале XX века на территории Беларуси наметка была почти единственным типом женского головного убора. Среди других головных уборов она была распространена и на Украине — на территории Львовской, Житомирской, Киевской, Черниговской областей, в районах Винницы, Харькова, Полтавы, а также в России, в Смоленской и Брянской областях⁶. Известна была наметка и в Аукштайтии (Литва), а также в Подля-

Исследователи считают наметку древнейшим общеславянским женским головным убором. Славянки носили его уже в X—XI вв. В наметках и девичьих ручниковых повязках предстает перед нами женская половина семьи великого князя Ярослава Мудрого (фреска Софии Киевской, XI в.). В наметке изображена княгиня Киликия — жена великого князя Святослава Ярославича на миниатюре «Изборника Святослава», 1073 г.¹ В этот период ручниковые головные уборы носили женщины и на территории Беларуси, о чем свидетельствует археологический материал — найденные в захоронениях фрагменты льняных тканей и шпильки, расположенные в области височных и затылочных костей черепа². На миниатюрах Радзивилловской летописи XV в. мы видим повитую наметкой великую княгиню Ольгу³. Изображение наметки встречается на исторических портретах XVI в.: портрет королевы Барбары Радзивилл, жены Жигмунта Августа; портрет Катерины Амельковичевой из Тэнчинских⁴, а также в белорусских иконографических сюжетах

¹ Пушкарева Н.Л. Женщины древней Руси. М., 1989. С. 165.

² Дучыц Л.У. Касцюм жыхароу Беларусі X—XIII стст. Мінск, 1985. С. 16.

³ Пушкарева Н.Л. Указ. соч.

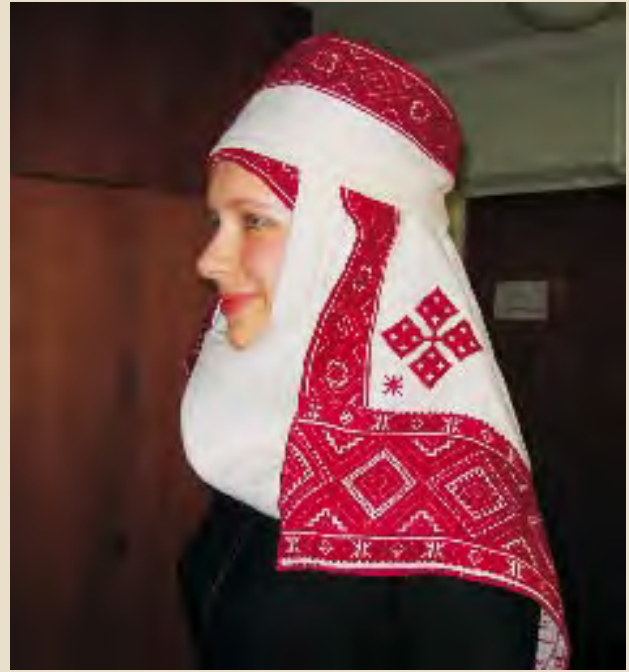
⁴ Smolinski Jozef. Kaptur i namitka // Ziemia, 1911. Т. II. 8. С. 136—138.

⁵ Высоцкая Н.Ф. Ікананіс Беларусі XV—XVIII стагоддзяў. Мінск, 1992. — Ил. 17, 19, 29, 51, 38, 39.

⁶ Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 541—757.

шьё (Польша). Но уже в конце XIX в. этнографы отмечали, что наметка выходит из употребления и в некоторых местах становится большой редкостью. И только на территории Беларуси, в основном на Полесье, этот головной убор широко использовался до середины XX в. Здесь он приобрел самые разнообразные формы, различными были и украшения, и способы ношения, и функции наметки. Еще и сейчас здесь можно услышать много интересного об этом удивительном головном уборе. Это помогает нам приблизиться к разгадке его сложной семантики.

Наметка — головной убор замужней женщины. Впервые ее навивали на невесту после венчания. Обряд завивания молодой был одним из важных этапов белорусской свадьбы. Он сопровождался различными магическими действиями — косу невесты расплетали, расчесывали волосы гребнем для чесания льна, поджигали их свечкой, смазывали маслом; затем из волос девушки впервые делали женскую прическу, кото-

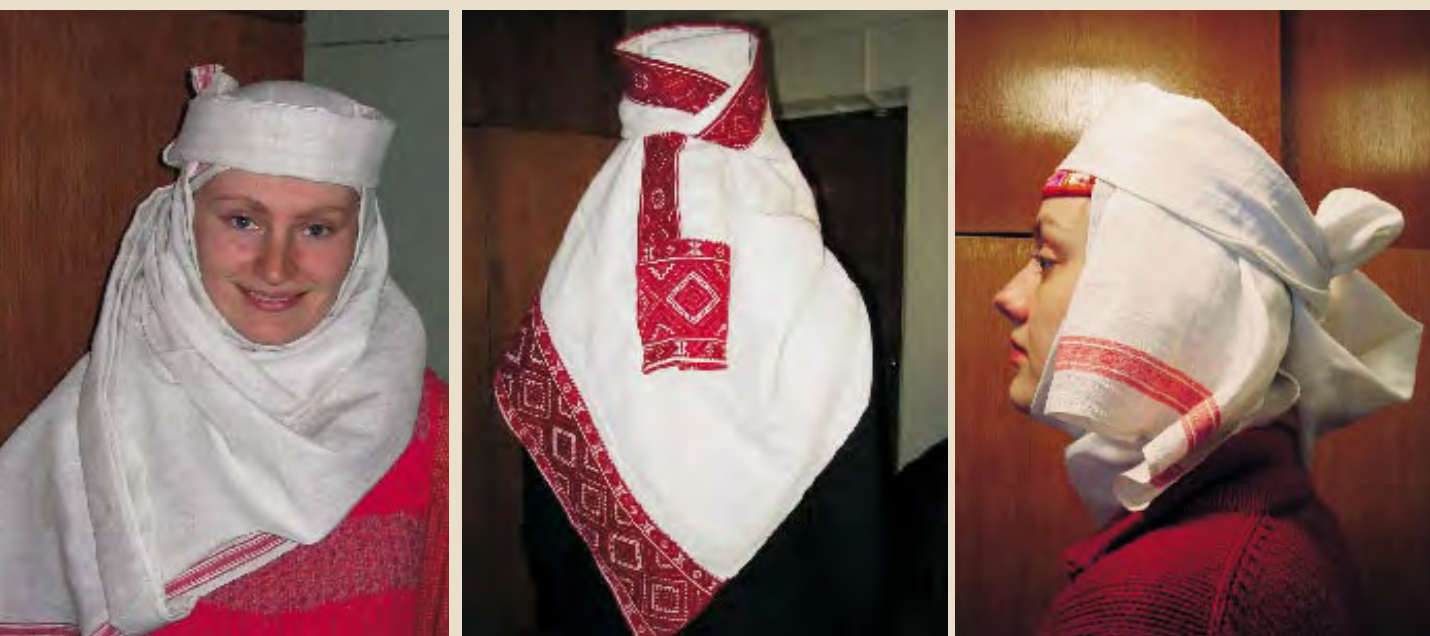

Разные варианты женского головного убора с наметкой демонстрируют студентки Белорусской государственной академии искусств: д. Збурож, Малоритский район Брестской области

Княжеская семья. «Изборник Святослава», XI в.

рая соответствовала местным традициям. Чаще всего волосы накручивали на *тканку* — обруч из льняного волокна, обшитого полотном. Сверху надевался чепец, он был ажурно сплетен из ниток или сшит из ткани. Чепец покрывал только прическу или всю голову. Иногда поверх него надевали *падвічку* — твердый обруч из луба, который служил каркасом для навивания наметки. Размеры наметки и ее декоративное оформление, как и сам способ завивания, определялись местной традицией. После завивания молодых угощали медом и связывали их вместе другой наметкой. Все эти действия проводились под пение обрядовых песен. Раньше в некоторых местностях для обрядового завивания молодой на свадьбе использовали особую, очень длинную, до десяти метров наметку, *павівала*. Например, в деревне Дзержинск (прежнее название — Родиловичи) Лельчицкого района Гомельской области один конец наметки завивали на голову, а другим связывали молодых вместе. Этот момент обряда символизировал магическое объединение брачной пары, которое исходило от женщины — продолжательницы рода. В этой деревне наметку в традиционном costume заменили на платок (*хустку*) еще в начале XX

Варианты женского головного убора с наметкой: д. Руховичи, Кобринский район Брестской обл., д. Збурож, Малоритский район Брестской обл., д. Середники, Слуцкий район Минской обл.

века, но обрядовое завивание ее на свадьбе сохранялось до 1950-х годов.

Устойчивость этой традиции говорит о глубине ее корней. С древнейших времен существует поверье о свойствах волос принимать на себя и передавать невидимые энергетические заряды, которые могут неблагоприятно повлиять как на здоровье самой женщины, так и на ее окружение. Такая опасность особенно возрастает после «грехопадения» женщины — начала ее брачных отношений. Поэтому считалось, что упорядочение волос невесты — расчесывание их, очищение огнем, помазание маслом, скручивание в женскую прическу, старательно упрятанную под чепец, и само навивание белой льняной наметки способствовало укрощению дикой, хаотической природы волос (а заодно и строптивного характера девушки), которые могли связать ее с темными силами и вызвать их вредоносное воздействие. Именно поэтому ношение наметки в замужестве было обязательным, а срывание ее с головы женщины считалось большим грехом.

Божья свьяча — так называли лен в белорусских деревнях. И не только потому, что фитилек свечки делали из льняных ниток. Белое льняное полотно, которое сопровождало белоруса от рождения до смерти, ассоциировалось с божьим светом, божьей опекой, с духовностью. Священная чистота белой льняной наметки должна была отразить нападки зла и содействовать опекунству высшей божьей силы. Здесь следует обратить внимание на то, что схемы завивания наметок, несмотря на все их разнообразие,

в основе своей содержат круг или, чаще всего, пространственный крест, образованный пересечением двух кругов. По мнению многих исследователей, эти знаки являются обереговыми. Подобные знаки, в виде крестиков и ромбов, вытканые или вышитые красными нитками на концах и в налобной части наметки, усиливают ее защитные свойства.

Наметка была не только *оберегом*. Орнаментированная и завитая конкретным способом, она придавала каждому варианту костюма легко узнаваемую образность и этим выполняла *информативную* или *адресно-указательную* функцию, маркируя «свое» и «чужое». Таким образом, наметка являлась своеобразным паспортом женщины — указывала на ее семейное положение, принадлежность к определенному этносу, место жительства и даже наличие детей, что передавалось характером орнаментальных мотивов. Например, в Малоритском районе о детях свидетельствовала геометрическая розетка, дополнительно вышитая на левом конце наметки.

Еще одна важная функция наметки — *посредническая*. Она проявлялась в трех основных формах посредничества:

- между человеком и Богом;
- между членами родовых коллективов;
- между живыми людьми и умершими предками — этим и тем светом.

Материал изготовления наметки, характер уращения, колорит и способы завивания выражали обращение к высшим силам за опекой. Вероятно, через наметку шла и обратная связь — на-

Традиционный женский костюм. Западное Полесье. Часть экспозиции Музея древнебелорусской культуры Института искусствоведения, этнографии и фольклора НАН БР

деление божьей благодатью, духовная поддержка. Посредническая роль наметки (ручника) между людьми проявлялась в том, что она использовалась в качестве подарков в таких важных семейных обрядах, как заручины, свадьба, родины, крестины. Через одаривание ручниками и наметками шло сближение родов, породнение отдельных его членов.

В свадебной обрядности особое внимание придавалось ритуалам, связанным с акцентированием переломного момента в жизни девушки, которая покидала родной родительский дом и переходила в новый социальный статус замужней женщины и в новую для нее среду — семью мужа. Это хорошо иллюстрирует одна из свадебных песен, записанная в Центральной Беларуси:

Традиционные ручники и сорочки. Ветковский район Гомельской обл.

Машичу кладачку цэраз рэчаньку ды пайду.
Распушчу касу па шауковаму паясу:
Ой, няхай жа мая русая каса лялее,
Ой, няхай жа мяне родна мамочка жалее,
Ой, няхай мяне далека замуж не аддае,
Ой, няхай мяне у сваім падвор і гадуе⁷.

Но час расставания с родительским домом для девушки все же настаивал, и тогда священное льняное полотно в виде ручников и наметок, вытканых самой невестой или ее матерью, выполняло роль той самой *кладачкі цэраз рэчаньку* — мосточка через реченьку, который помогал преодолеть этот жизненный рубеж и очутиться на другом, чужом, неизвестном пока берегу. Наметка помогала освоиться в новой среде, вызвать благосклонность новой родни, а заодно и уберечь себя от завистливого взгляда, сглаза, злого чародейства и других напастей. Поэтому в Беларуси говорили: «Як народзіш дачку, дык палажы намётачку»⁸. И так ежегодно надо было пополнять этот запас, чтобы на свадьбе всем хватило подарков. А самую лучшую наметку невестка дарила свекрови.

Посредничество наметки между живыми членами рода и умершими предками прослеживается в погребально-поминальной обрядности. До сих пор на Полесье *дамавіну* (гроб) принято обивать наметками, а опускают ее у дол (в могилу) с помощью длинного скрутка полотна. В Стародорожском районе Минской области для этого используют две наметки. Наметку здесь прибавляют и на стенку вдоль лавки, в этих случаях наметка не только охраняет тело и душу покойного (как женщины, так и мужчины), но и символизирует путь, мост между двумя системами существования — этим и тем светом, а также облегчает этот сложный переход.

До недавнего времени наметка была обязательной принадлежностью *смяротнага вузла*. Еще и сейчас некоторые полесские старушки бережно хранят традиционный костюм и наметки для своего погребения, чтобы родственники и односельчане еще раз смогли полюбоваться красотой узоров и оценить талант

Праздничный головной убор замужней женщины. Конец XIX — начало XX в. Село Лучицы Мозырского уезда Минской губернии. Реконструкция М.Винниковой по материалам Российского этнографического музея

мастерицы, а умершие предки узнали бы ее по одежде и приняли к себе.

Что касается основного предназначения наметки как головного убора, то она являлась самой приметной частью традиционного, особенно праздничного костюма замужней женщины. Сложно задрапированная вокруг головы, наметка пластически завершала ансамбль одежды, служила своеобразной оправой для лица. Каждая женщина в таком головном уборе выглядела красавицей, он придавал ее лицу более правильный и изящный абрис и выявлял в нем самое главное, зеркало души — очи.

⁷ Мошу мосточек через реченьку и пойду.
Распушу косу по шелковому поясу:
Ой, пускай же моя русая коса красуется,
Ой, пускай же меня родная мамочка жалеет,
Ой, пускай меня далеко замуж не отдает,
Ой, пускай меня в своем доме растит.

⁸ Как родишь дочку, то положи наметочку.

Т.А. Шутова

До глубины Страны Души

Путешествие по Абхазии

«Еще раз нырнул, открываю глаза: стоят. Стоят и колышутся. В ритм прибой. В рясах, с бородами, головы опустили и губами шевелят, молятся, видно...» Много лет назад слышала я рассказ старого, со слезящимися невидящими глазами рыбака. Помнится, говорил он, что собирали ныряльщики со дна морского губки, которыми и торговали на базарчике для курортников всесоюзной здравницы. Мы слушали его байки и ахали от страха, боясь потом далеко заплывать в заливчик, на берегу которого стоял и теперь стоит Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь.

Монастырь этот сравнительно молод, ему 130 лет, но он отрасль старинного Свято-Пантелеимова Русского монастыря, что на Святой Горе

Афон в Греции, и в его истории — слава и трагедии, радости и слезы, тайны и чудеса. Про одно из чудес — в свое время, а пока вернемся к рассказу старого рыбака. Дело было в далекие теперь годы единой рабоче-крестьянской страны Советов. В стенах Ново-Афонского монастыря размещалась тогда турбаза, где отдыхали шахтеры и доярки, студенты и школьники. Во времена воинственного атеизма, когда на площади перед собором лихо отплясывали курортники, даже экскурсоводы не решались сказать о том, что случилось тут в 1924 году. Тогда в монастырь, где подвизались более полутысячи насельников, пришли комиссары и объявили, что монастыря больше нет, как нет и Бога, в честь которого были возведены эти церкви, стены, кельи, трапезная. Еще они

Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь

сказали, что монахи — враги народа, религия — опиум и всех монахов следует предать революционному суду. Среди жителей поселка, собравшихся на площади перед собором, была молодая девушка-абхазка. «Не смейте! — крикнула она. — Куда же вы смотрите, люди добрые...» Девушка обвела глазами молча стоящих людей, но поддержки не нашла. Что случилось с той смелой девушкой, история не сообщает. Зато известно, что монахов выселили из монастыря, часть разбрелась по долам и весям страны, где потом настигла их карающая рука ЧК, часть ушла в горы, на Псху, а часть была вывезена на барже в залив, к ногам им привязали камни и сбросили в море. Вероятно, о тех, потопленных, и вспоминал старый новофонский рыбак.

Наше путешествие по Абхазии началось с Нового Афона не случайно. Здешний монастырь известен во всем мире, он почитаем в Абхазии, вот уже десять лет действует после восстановления и оберегает многострадальную и прекрасную эту землю. Землю чудесную, находящуюся под покровом Богородицы, которую и получила в удел, то есть под свое покровительство, Абхазия — одна из древнейших христианских земель. Христианство тут связано с апостолами Андреем Пер-

Стопа святого апостола Андрея Первозванного. Свято-Пантелеимонов монастырь

возванным, который прошел тут в первом веке, неся Слово Спасителя, и Симоном Кананитом, еще его называют Симон Зилот, то есть ревностный. На его свадьбе в Кане Галилейской Христос по просьбе Богородицы превратил воду в кувшины в вино. То, что произошло 2000 лет назад в Кане, называют теперь Первым Чудом Христа. Так же называется маленькая церковка, которая стоит на том самом месте, где справляли свадьбу Симона, а ее настоятель-грек угощает паломников канским вином. Когда сказали мы канскому священнику, что после паломничества в Святую Землю едем в Абхазию, грек зацелкал языком и выделил нам огромную бутылку свадебного вина и мешочек земли из церковного сада, отвезите, мол, в землю, где покоится Симон Зилот, уверовавший после Чуда и отправившийся по свету нести Свет Христа. Симон обошел много земель, прибыл в Абхазию и был тут умучен язычниками. На месте его погребения стоит теперь церковь Симона Кананита, а на горе над церковью — монастырь.

Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь был основан в 1875 году монахами Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Тогда же и все поселение на берегах реки Псырца получило свое нынешнее имя — Новый Афон, что свидетельствовало о тесной неразрывной связи обеих обителей. Рассказывают, что в разгар войны 1992—1993 годов президент Абхазии Владислав Ардзинба дал обет, что восстановит монастырь, и в 1993 году одним из первых был указ президента о возвращении зданий монастыря и прилегающих земель из ведомства культуры и туризма в церковное ведомство. Монастырь был восстановлен, а день Симона Кананита 23 мая стал национальным праздником Республики Абхазия.

Святые апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит

Церковь Симона Кананита в Новом Афоне

Ученик и родственник Христа пришел на древнюю землю. Дохристианская история Абхазии — бурная и увлекательная, в ней много «белых пятен», тайн и загадок. Столица нынешней Абхазии, город Сухум отметил в прошлом году свой юбилей — 2500 лет. Бурное празднование абхазы решили отложить до лучших времен, полагая, что при таком юбилее годом раньше, годом позже, не так важно. Тем не менее, вспоминали основателей города Диоскуров, братьев-близнецов Кастора и Полидевка, участников знаменитого похода аргонавтов, соратников знаменитых Геракла и Одиссея. За свою долгую историю город неоднократно менял название.

...Достоцимый ойкист, старшина колонистов из славного города Милета, отправился в Дельфы, чтобы в храме Аполлона спросить оракула. Вопрос, который хотел он задать всеведущему, был таков — селиться ли грекам на далеком побережье, где берега зорко хранили пираты-гениохи. Пифия нажевалась листьями лавра, восседала на треножник. Вскоре ее фигуру заволокли клубы фимиама. Ответ, какой дал оракул ее устами, неизвестен. Но известно, что незадолго до разрушения Милеты персидским царем Дарием, а именно в середине VI века до Рождества Христова, летучие триеры и пентеры милетцев пересекли Понт Эвксинс-

кий и пристали к берегу, заселенному племенами, ведущими свое происхождение от хаттов, которые населяли до хеттов и греков Малую Азию. Абхазский язык сохранил черты сходства с языком древних хаттов, чье государство пало в конце XIII века до Рождества Христова. Так что милетцы, причалив к кавказским берегам, повторили маршрут переселения «народов моря», разошедшихся по Средиземно-Черноморскому бассейну более трех тысячелетий назад. На древнем языке местных жителей местность, куда приплыли милетцы, называлась Акуа. Греки же своему поселению дали имя в честь братьев-близнецов Диоскурия.

Что стряслось два тысячелетия назад, после чего процветающий город исчез с берегов Сухумской бухты? Почему ушли в пучину морскую стены цитадели, храмы и улицы приморской части Диоскурии? На этот вопрос ни летописи, ни современная наука до сих пор не дали внятного ответа. Как бы то ни было, до сих пор море после шторма выбрасывает на берег древние монетки и кусочки керамики, а храбрые ныряльщики прихватывают со дна морского обломки амфор и пифосов, фрагменты черепицы и стеклянные бусины. На раскрытие тайны древней Диоскурии были мобилизованы силы археологов. В середине прошлого века при

Руины храма Аполлона, где вещей пифии являлся Дельфийский оракул ▶

Найденные в Абхазии известняковый бюст римской эпохи, амфора античного времени, серебряные монеты «колхидки» (I тыс. до н.э.), аттический сосуд (V—IV вв. до н.э.) ▼

Хранительница очага

подводных исследованиях были найдены остатки древнего города, башен, крепостных стен, извлечены на поверхность предметы быта, культа и искусства античной эпохи.

Как известно, свято место пусто не бывает, а в прошлом люди, подобно тому как это часто делаем мы, при смене власти переименовывали города, чтобы угодить правителям. На берегах Сухумской бухты жизнь продолжалась, а римляне, пришедшие на смену грекам в середине первого века после Рождества Христова, назвали поселение на Кавказских берегах Себастополис в честь своего императора Октавиана, имевшего титул Августа-Себастоса, что значит «священный, великий». Кто только не топтал камни благословенной этой земли: древние греки, римляне, византийцы, арабы, турки. Менялись правители, названия, обычаи. И в тысячу и одну ночь не перескажешь перипетии тысячелетней истории Абхазии. В конце VIII века город на берегу бухты, в воды которой, подобно Атлантиде и Китежу, канула Диоскурия, получает название Цхум, во времена господства турок становится Сухум-кале, а в 1810 году, когда русский император Александр I и абхазский владетельный князь Георгий Шервашидзе-Чачба приняли договор о соединении Абхазии и России, русская военная эскадра выбила турок из крепости, военное командование разместило тут свой гарнизон и город стал Сухумом, как называется он и теперь.

Издревле живет на этой земле народ, называющий себя *апсуа* — абхазы. Теперь это очень многочисленный этнос, всего-то их менее ста тысяч, а значит, все мы, жители планеты, в ответе за то, чтобы не исчез с лица земли древний народ с богатой историей и культурой. Говорят, что узнать народ — это значит полюбить его. Потому что нет плохих народов, люди плохие есть, а народов нет. Так вот, абхазы — очень хороший народ. Говорю так потому, что узнала его как в самый трагический период его истории, так и в момент высшего триумфа бытования этноса. Видно, на такой земле может жить только прекрасный, добрый и благородный народ. Основа основ жизни абхазов — *апсуара*, что можно перевести как «абхазство». Так называют они кодекс чести каждого, кто считает себя абхазом. Принципы *апсуара* хранят старейшины рода и передают дальше из поколения в поколение. Это целый набор представлений о том, как должен вести себя человек по отношению к природе, к родным и со-

седам, к старшим и равным в различных обстоятельствах. Некоторые положения могут показаться странными нам, людям XXI века. Тем не менее это те скрепы, которые тысячелетия держат каркас абхазской нации. В кодексе заложены и правила поведения при кровной мести. Точнее, не за-

Традиционные конно-спортивные соревнования

стывшие правила, а суть этики, на основе которой люди выбирают в такой сложной ситуации способ и формы действия. Расскажу две истории, одну страшную и трагическую, другую — драматическую и просветляющую.

История первая. Однажды юноша совершил ужасный проступок, за который его ждало возмездие. Кровники пришли в дом, где жила семья парня. Тут, на пороге родового дома встретил их отец юноши. У его ног лежало тело сына с кинжалом в груди. Знал отец, что кара неизбежна. А это значит, что покатится по горам и ущельям снежный ком вендетты — око за око, что может истребить оба вовлеченных в нее рода. Вот и остановил он лавину, «заземлил» разряд кровной мести. Ценою жизни собственного дитя.

История вторая. Произошла она в Самурзакане, восточной части Абхазии. Парень из соседней Мингрелии убил местного абхаза, убил нечаянно, не нарочно. Схватили убийцу и привели на суд к отцу погибшего. Тот велел накрыть стол, принести лучшего вина из погребов. Посадил он напротив себя мингрела и сказал, что теперь тот будет ему заместо убитого сына. Поставили тут же, рядом с родовым жилищем, дом мингрелу. Работал он в поле, пас скот, а пришло время — женился, и старик полюбил его детей, как собственных внуков.

Мамалыгу варят в больших котлах только мужчины

История эта подлинная, знаю потомков тех абхазских Аршба и мингрельских Зарандия, что породнились когда-то бедой и превратили кровь отщепенца в кровь родства.

Я бродила по Сухумскому ботаническому саду на третий год после войны. Экзотические деревья и цветы ласкали взгляд и своими ароматами волновали ноздри. Вдруг услышала щебетание птиц. Видно, птиц было очень много, их голоса заполняли все пространство сада. Я решила, что птицы, успокоенные тишиной, устроились тут на гнездовье, а возможно, на привал перед длительным перелетом в жаркие страны. Когда, раздвинув кущи, я вышла на берег пруда, заросшего цветами виктории-регии и лотосов, то увидела много-много крошечных детишек, которые копошились на берегу, строя домики из камешков и песка. Это был детский сад на прогулке. Ребятишки, рожденные после войны, дети мира. Они без умолку щебетали по-абхазски. Я вспомнила, что офицер русской армии на Кавказе барон Петр Услар, создавший первый абхазский алфавит, называл этот язык «птичьим». Это потому, что в абхазском языке всего два гласных звука и более полусотни согласных, большинство из которых шипящие. Они-то и придают очарование и нежность этому очень древнему и развитому языку. Абхазская литература богата именами писателей и поэтов, многие из которых известны за пределами Абхазии.

Патриарх абхазской литературы Баграт Шинкуба, скончавшийся

год назад, за два года до своего 90-летия, написал роман-притчу «Последний из ушедших». В нем рассказывается история родственного абхазам народа убыхов, исчезнувшего с лица земли. Многие, кто отдыхал на Кавказе, знают названия Сочи, Мацеста, Кудепста, Ахун, Туапсе, Шахэ, Адлер, Лоо, Хоста и многие другие. Так вот, это топонимы убыхов, которые принимали участие в Кавказской войне, самой длинной в истории России. Последний ее бой был дан 21 мая 1864 года в убыхском урочище Кбааду. В память о пролившейся крови оно получило название Красная Поляна. Русские войска одержали победу, в честь которой состоялся торжественный парад. После этого царское правительство поставило убыхов перед выбором: либо они идут под длань России, либо уходят прочь со своей земли. Убыхские правители выбрали второе. И весь народ от мала до велика погрузился с лошадьми и скарбом на кочержмы и фелюги и ушел к берегам Турции. Убыхские мужчины были прекрасными воинами и пополнили ряды аскеров, женщины были красивы, и многие попали в османские гаремы. Кстати, в 1932 году «мисс Мира» стала убыхка Кереман Ха-

Традиционное абхазское застолье, тамада во главе стола

Абхазский государственный ансамбль песни и танца

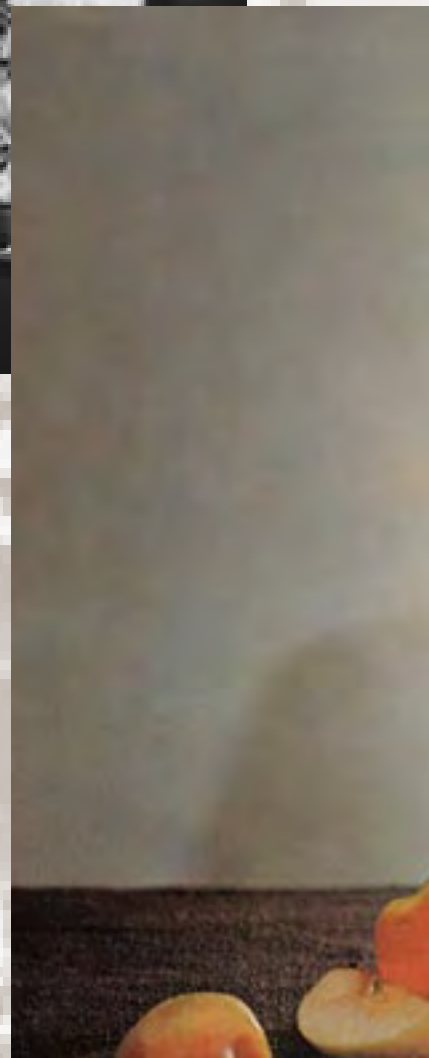

лис Едже, которая завоевала этот титул на конкурсе красоты в Бельгии. Правда, в анналы истории она вошла как турчанка.

Надо сказать, что Порта тогда, как и Турция теперь, была мононациональным государством. В статье 54 Турецкой конституции 1961 года сказано, что все граждане Турции — турки. Их дети ходят в турецкие школы, говорят на турецком языке, служат в турецкой армии. Поэтому все, кто бы ни жил тут, кто бы ни прибывал сюда, очень скоро подвергаются ассимиляции, их потомки забывают язык и обычаи и даже имена принимают турецкие. Как бы ни цеплялись убыхи за свои обычаи и память об утраченной родине, вскоре они растворились в турецком море, а последний носитель убыхского языка умер тридцать лет назад. Вот об этой драме и рассказал в своем романе Баграт Шинкуба. Его книга вышла четверть века назад и стала горьким предупреждением о том, как безвозвратно может уйти целый народ, проживший тысячелетнюю историю. Трудно сейчас сказать, что было бы, если убыхи не ушли на берег турецкий, как сложилась бы история нашей русской «ривьеры», что было бы в Сочи, на Мацесте. Наверно, было бы интереснее и веселее, если бы тут жил красивый и певучий народ, радушно встречающий гостей. Я говорю так, потому что видела живых убыхов! Да-да, самых настоящих убыхов, вернее, убышку, правда, по крови, потому что моя знакомая не говорит на языке предков. Зато поет. А дело было так.

В 1993 году вышла «Белая книга Абхазии», где говорилось об истории и культуре абхазов, о страшных испытаниях, которым подвергает-

ся народ, стоящий на грани исчезновения. Книгу эту выпустили московский ученый Павел Васильевич Флоренский, внук знаменитого ученого-энциклопедиста, богослова и священника Павла Флоренского, ваша покорная слуга и Юрий Николаевич Воронов, доктор исторических наук, вице-премьер Абхазии. Недавно, уже после трагической гибели нашего незабвенного друга Юрия Воронова, книга была переведена на турецкий язык, чтобы ее смогли прочитать потомки кавказцев, так называемых махаджиров, живущие в Турции. Турецкие кавказцы пригласили нас на презентацию книги в Стамбул. Там, на берегу Босфора, в огромном доме культуры и состоялась наша встреча. Был замечательный концерт, где звучали кавказские песни, где дети и взрослые танцевали танцы кавказских народов. В концерте выступила молодая прелестная девушка. Она играла на гармонии и пела убыхские песни. Слова песен девушка запомнила от матери, а та от своей, хотя ни девушка, ни ее мать родного языка уже не знали, а только повторяли заученные с детства фразы. Мы говорили через переводчика, а когда нам предоставили слово, вспом-

нили слова испанского поэта Антонио Мачадо, сказавшего, что родину нельзя унести на подошвах ботинок. И добавили, что убыхи и другие покинувшие родину кавказцы несут ее, свою родину, в сердце. После концерта и презентации перевода книги нас буквально усыпали цветами, и мы вместе спели известную на всем Кавказе песню «Шаш нани». Это колыбельная, которую поет мать-убышка на борту фелюги, уносящей ее от родных берегов, с надеждой на возвращение.

Абхазия помнит войну...

Поет своему младенцу, который мертв и никогда не увидит родные пенаты...

В первый день окончания войны мы шли по Сухуму, где еще дымились развалины домов, в воздухе пахло тленом, а во дворах время от времени раздавались автоматные очереди. Навстречу — Юрий Николаевич Воронов. Поравнявшись с нами, он резко протянул вперед руку, разжал ладонь. Там было что-то вроде вара, жидкого асфальта. «Вот и все, что осталось от тысячелетней истории...» — горько улыбнулся ученый-археолог. Он только что побывал на пепелище института, где работал и где хранил бесценные археологические реликвии, добытые им в экспедиции на Цебельде. Увы, потери были колоссальные: в пламени войны погибли Институт абхазского языка, литературы и истории, Государственный архив, был разграблен Институт экспериментальной патологии и терапии, или, как его чаще называют, обезьяний питомник. Не будем сейчас анализировать причины и поводы драмы. Это дело политологов и историков. Тем не менее говорить об утрате необходимо, подчеркнув при этом, что существует международное гуманитарное право, или «право войны», как его еще называют, — Женевские и Гаагские конвенции, статьи которых предписывают оберегать во время во-

оруженных конфликтов жизнь человека и культурные и исторические ценности. Большой вклад в создание этих всемирных законов внес наш великий соотечественник Николай Рерих, мыслитель и гуманист, выдвинувший идею Пакта в защиту культуры и Знамени Мира. Положения Пакта Рериха стали основой Гаагской конвенции, под которой подписались почти все государства мира.

Возможно, кто-то скажет: «Какие законы? Войны законам не подчиняются, война сама по себе преступна и незаконна». Это верно. Но как бы странно то ни звучало, у войны есть законы, зафиксированные в международных договорах. Законы эти предписывают оказывать помощь раненым, не только своим, но и раненым противной стороны, гуманно относиться к военнопленным, щадить гражданское население, стариков, женщин, детей, не затрагивать во время вооруженных действий госпитали, школы, культовые сооружения, химические предприятия, плотины, не использовать в военных целях природные объекты. Вы скажете, что не все эти законы соблюдаются. Ведь были же уничтожены десятки храмов и монастырей в Косово, пострадали памятники истории и культуры в Ираке, были разрушены буддийские памятники в Афганистане, а что уж говорить о потерях во время вооруженных конфликтов, захлестнувших Кавказ в последнее десятилетие. Верно. Но разве прекратились преступления после принятия уголовных кодексов? Я несколько лет работала в Международном Комитете Красного Креста, в швейцарской организации, которая является родоначальником международного гуманитарного права, хранителем Женевских конвенций. Могу сказать, что пропаганда идей этого права играет свою положительную роль, видела, как даже в самых трагических ситуациях люди действовали в духе этих конвенций, в духе гуманизма. И если благодаря этим правилам сохранится хотя бы одна-единственная человеческая жизнь, один храм, одна картина или один музей, то и тогда усилия наши не напрасны.

Мы говорили о древних христианских корнях абхазов. Следует заметить, что параллельно с этим в Абхазии бытуют родовые верования, культ священных рощ, деревьев, кузни и другие. О том, какую магическую силу имеют они в сердцах абхазов, свидетельствует история, которую я слышала от свидетелей и участников ее в глухое советское время.

Как и принято, в одном селе соседи просватали своих новорожденных детей, мальчика и девочку. Слово надо держать. Только так сложилось, что парень, окончив школу, ушел в город, оторвался от села и его строгих нра-

вов, завел зазнобу в городе, короче, когда пришло время справлять свадьбу, парню это было что нож по сердцу. Стал он мудрить, как сбежать из-под венца. Сбежать — значило стать изгоем, быть отлученным от семьи и рода. Выхода из создавшегося положения не было. Вернее, был один-единственный, который освободил бы его от нежеланных уз, выход жестокий, но, увы, единственный. После первой брачной ночи собравшимся по обычаю у дома новобрачных была представлена незапятнанная простыня — это означало, что невеста нечестна. Та плакала и говорила, что муж даже не коснулся ее. Как быть? Родственники девушки созвали старейшин, было принято решение: парень должен поклясться перед иконой, что говорит правду. Парень поклял-

ся. Решили, что поклянется он на всякий случай и Кораном. Поклялся парень. Вызвали его на партсобрание, — и там дал честное партийное слово, что говорит правду. Совет старейшин решил подвергнуть его последнему испытанию на «детекторе лжи»: должен был парень подойти к священному родовому дубу и дать клятву там. Упал он на колени, просил-молил простить его за ложь и клевету на девушку... Вот так, хоть юноша был не шибко хорош, зато история поучительная. Она свидетельствует о том, как глубока и неистребима вера абхазов в родовые святыни.

Кроме родовых в Абхазии есть и святыни общенародные, места поклонения, называемые *аныха*. Пантеон древних, дохристианских богов в Абхазии обширен. Тем не менее всю совокупность

верований абхазов точнее называть не язычеством, а дохристианским монотеизмом, потому что они признавали и чтили прежде всего верховного и единого бога, которого называли Анцва. Для связи с ним и существуют специальные моленные места — *аныхи* и посредники, жрецы. Именно жрец передает верховному божеству просьбы верующих и способствует тому, чтобы ответ божества дошел до людей.

Главное святилище Абхазии — Дыдрипш-аныха, расположенное недалеко от села Дыдрипш. Тут живет верховный жрец Заур Чичба. Он жрец наследственный, уже много поколений чичбовцев несут нелегкое и почетное служение святыне-аныхе. У Заура Чичба есть приемные дни, когда к нему приходят люди, чтобы разрешить споры и противоречия. Чичба сам ничего не решает. Он просто назначает день, когда семьи спорщиков приходят к подножию горы. Заур произносит молитву, держа в руке копьё, на пику которого насажена печень жертвенного барана. После этого процессия во главе со жрецом поднимается на вершину горы, где и расположена аныха. Бывает, что процессия до вершины не доходит. Как и тот парень, о котором мы рассказывали, неправый так боится неотвратимого гнева аныхи, что еще на полпути признается, что обманул, украл, убил, оклеветал.

Историям про праведный суд и гнев аныхи несть числа. Вера в святилища ничуть не противоречит христианским верованиям, а местный священник отец Виссарион очень дружен с верховным жрецом Зауром Чичбой. Они вместе проводят ставшие очень популярными праздники родов. Шакрылы, один из крупнейших родов Абхазии, справляют свой родовой съезд вскоре после Пасхи возле знаменитого храма в древней столице абхазов селе Лыхны. Сюда съезжаются шакрылы со всей Абхазии, приглашают гостей. Священник служит молебен, жрец проводит моление с копьём в руках. Потом из земли отрывают схороненные в прошлый урожай кувшины с вином и начинается пир горой. Звучат тосты, песни, участники празднества танцуют зажигательные танцы. Надо сказать, что такие многочисленные застолья в Абхазии происходят постоянно. Это не только выражение абхазского гостеприимства и дань традиции. Как ни странно, происходят они не от хорошей жизни. В середине 90-х годов в Абхазии была объявлена блокада. Из Абхазии не выпускали мужчин от 14 до 60 лет, сюда не пускали отдыхающих. Абхазы очутились один на один с собой и своей судьбой. Такая изоляция консолидировала немногочисленный этнос, который ощутил, что, для того чтобы выжить и сохранить себя, необходимо обратиться к своим традициям, своим обычаям, развивать культуру

и образование. В Абхазии стали устраивать выставки, спортивные состязания, праздники урожая, отмечать старые и новые праздники, проводить многолюдные застолья по всем поводам: свадьбы, похороны, престольные праздники, дни поминовения погибших, дни рождения, встречи фамилий-родов. На таких встречах люди лучше узнавали друг друга, членов своего рода, жителей других регионов Абхазии. Празднеств стало так много, что правительство выпустило даже постановление, осуждавшее увлечение новой традицией, потому что подчас торжества проводились в рабочее время, люди отправлялись туда целыми министерствами и ведомствами.

Еще с одной традицией пришлось кардинально бороться: издавна сложилось, что абхазские мужчины женятся поздно, после тридцати, сорока лет. Так вот, после войны тут была создана Демографическая комиссия, которая рассылала повестки молодым парням с требованием явиться на молодежные сборы, куда также вызывали молодых девушек и их родителей. Чувство юмора у абхазов врожденное, повестки восприняли как шутку в стиле Дмитрия Гулия и Фазиля Искандера. Тем не менее через несколько лет в Абхазии вошло в моду рано жениться. В брак вступают теперь семнадцати-восемнадцатилетние парни и девушки. Вскоре у них рождаются дети, первый, второй, третий. Им дают имена погибших родственников. Таковых в каждой семье много, поэтому, чтобы восполнить урон, надо стараться. Стараются, оттого-то и трещат по швам городские и сельские школы, наполняются улицы и сады щебечущими голосами ребятишек.

О кровопролитной войне, которая бушевала на абхазской земле более года, много сказано, написано. Я была на той войне, став свидетелем жестоких испытаний, боли, крови, слез. Видела героизм, предательства, самопожертвование. Я много писала об этом, о многом молчала и буду молчать дальше. Потому что верю, что зарастут траншеи, утихнет боль и народы-соседи, народы-братья снова будут мирно и дружно жить рядом. Война не заканчивается с последним выстрелом, у нее есть «шлейф», тяжелые последствия — это болезни, инвалиды, сироты, вдовы. Слава Богу, в Абхазии обошлось без эпидемий болезней, тут нет беспризорных детей — сирот берут на воспитание родственники. С вдовами дело обстоит сложнее. Женщины, потерявшие супруга, носят траур, скорбят на могилах, но в традиционных семьях таков их удел на всю оставшуюся жизнь.

Как-то в первые послевоенные дни незабвенный Юрий Николаевич Воронов сказал: «Выдержали испытание войной. А вот как выдержим испытание победой?» Это очень мудрые сло-

ва, сказанные человеком, несколько поколений предков которого жили, работали и многое сделали для Кавказа. Действительно, испытания и беды не прекращаются с окончанием конфликта. Великий русский хирург, основоположник военно-полевой хирургии и один из основателей Красного Креста в России Николай Пирогов называл войну травматической эпидемией. Травмы эти не только физические, но и психические. «Синдром войны» известен во многих странах. В Америке это «вьетнамский синдром», в России — «синдром чеченский». Об этом тоже много написано. Мне хотелось бы сказать об одном

Верховный жрец Заур Чичба и священник отец Виссарион

явлении, с которым, увы, пришлось столкнуться в Абхазии. В последние годы тут вспыхнула суицидальная эпидемия: прокатилась волна самоубийств. Накладывали на себя руки мужчины в расцвете лет, по местным меркам вполне благополучные. Отмечу, что добровольно уходили из жизни не всегда люди, напрямую участвовавшие в вооруженных действиях, молодые парни, не принимавшие участие в войне. Я лично знаю четверых из таких несчастных, знаю обстоятельства их жизни вплоть до последних минут. Знаю и объяснить не могу, что толкнуло моих друзей на этот роковой шаг. А знать это крайне важно, потому что, как ни прискорбно говорить, но война, открытая или ползучая в виде терактов, становится обычной в наше время по всему свету. И шлейф ее может коснуться любого и каждого. Так что нужна психологическая реабилитация всего общества. Как это делать, должны предложить психологи, психиатры. Я же могу только сигнализировать о проблеме, исходя из своего опыта и опыта близких. Отмечу, что похожее явление было отмечено в России как раз вскоре после гражданской войны: в 20-е годы число самоубийств возросло в пять раз по сравнению с предыдущим временем.

Говоря о Ново-Афонском монастыре, мы упомянули горное село Псху, где многие годы живут бок о бок абхазы и потомки казаков и куда ушли многие монахи порушенного монастыря. Они поселились как в самом селе, так и в пещерах прилегающих гор. В Псху тогда было 8 церквей, а число монахов и пустынников доходило до

тысячи. В 1931 году карательная акция НКВД положила конец их молитвенному служению: монахи были сосланы, храмы разрушены. Тем не менее молитвенная жизнь продолжалась в нелегальной форме теми, кто успел укрыться в пещерах. Говорят, что они захватили с собой святые иконы и книги, спасенные ими из разгромленного монастыря. Жители Псху до сих пор благоговейно охраняют тайну этих пещер и стараются оберегать их от досаждающих искателей древностей. Кто знает, какие еще тайны хранит высокогорное село Псху?

Когда-то тут, в горных лесах, паслись стада зубров, огромных волосатых полорогих современников мамонта. Первооткрывателем, вернее тем, кто впервые сообщил об этих животных в печати, был барон Торнау, капитан гренадерской бригады, талантливый разведчик. Свое открытие он сделал в чрезвычайных обстоятельствах — во время побега из плена, в котором находился у горцев более двух лет. Федор Федорович Торнау, потомственный военный, верой и правдой служил Отечеству. По окончании Царскосельского лицея он был зачислен поручиком в действующую армию, успешно воевал в турецких кампаниях, участвовал во взятии Варшавы, а в 1832 году был прикомандирован к Генштабу Отдельного Кавказского корпуса. Барон служил по геодезической и топографической части, иными словами, был разведчиком. Проложив штыками путь на Кавказ, Россия намеревалась остаться тут навечно, связав единой судьбой народы горного края. Для того чтобы смычка эта стала вечной и неразрывной, необходимо было знать народы страны гор, их обычаи, языки, верования. Первыми исследователями Кавказа и стали офицеры действующей тут русской армии, одним из них был крупнейший ученый-лингвист, знаток кавказских языков полковник Услар. Не меньший вклад в кавказоведение сделал его колле-

га Торнау, который дал великолепное описание природы, языка, обычаев, верований горских племен, составил подробные топографические карты многих районов Кавказа. Барон настолько вжился в среду горцев, что, подобно героям Киплинга, переодевался в одежду местных жителей и беспрепятственно путешествовал по всему Кавказу. В 1836 году он был направлен «для тайного обозрения» на берега Черного моря, куда переместился театр военных действий. Увы, очередного задания выполнить ему не удалось, потому что из-за предательства проводников он был захвачен в плен с целью выкупа. На Торнау надели тяжелые цепи, содержали в сакле в одном из аулов, приставили охранников. Трижды Торнау пытался бежать, но всякий раз его настигала погоня, и меры содержания ужесточались. Командование Кавказской линии предлагало за Торнау выкуп, а виновным — прощение за захват заложника. Но на это не согласился сам Торнау, считавший, что для русского офицера лучше смерть в плену, чем поощрение разбойников на другие захваты. Предлагали обменять офицера на пленных горцев. И на это не согласился Торнау. На помощь пленнику пришли его друзья-горцы, которым он некогда оказал ряд услуг. Ногайский абрек Тембулат Карамурзин отплатил Торнау, выкрыв его из плена. Предстоял трудный переход через Кавказский хребет, в котором Торнау сопровождали абхазы-контрабандисты из Гагрипша, посредничавшие между черкесами и турками. На пути через горы беглецы встретили стадо огромных, поросших длинной шерстью животных. Абхазы называли их *адомеи*. Одного из них удалось убить, и его мясо поддержало силы беглецов, а мохнатая шкура согрела в переходе через заснеженные горы. Впоследствии Торнау описал адомея в Ведомостях Русского Географического общества. Так науке стал известен кавказский подвид зубра — *Bison bonasus caucasicus*. По возвращении из

Архар и зубр запечатлены на почтовых марках Абхазии. Художник А. Козырев.

плена Торнау был с почестями препровожден в Петербург, принят самыми высокими российскими сановниками, получил очередной офицерский чин, орден Святого Владимира, был направлен на лечение за границу, жил в лучах славы и почил в бозе. А открытых им кавказских зубров истребили в начале XX века. Сложными генетическими приемами, на основе небольшого стада зубра европейского, сохранившегося в Беловежской пуще, кавказский зубр был восстановлен, и теперь огромные мохнатые животные живут в Кавказском заповеднике. А вот на родине, в Абхазии, пока не живут, исчезнув сто лет назад.

Абхазию часто называют «мандариновой» страной. Но родина мандаринов и других цитрусовых — Китай. В Абхазии они нашли новую родину совсем недавно. Акклиматизация цитрусов тут связана с именем купца Игумнова. Вот как это было. В 1893 году на Якиманке случился большой съезд гостей. Кареты и фиакры подъезжали к новому особняку в стиле «русский терем», построенному тут архитектором Поздеевым для сибирского золотопромышленника Игумнова.

Профессор Ю.Н. Воронов. Фото В. Левентаса. Первый президент Абхазии В.Г. Ардзинба. Почтовые марки. Художники А.Козырев и Л. Бутовская

Теперь в этом здании расположено посольство Франции. Рассказывают, что убранство особняка вызвало гнев царя, так как верхняя зала дома была вымощена золотыми монетами с профилем самодержца. Купец был сослан в опасный

Гиви Смир, художник, первооткрыватель Ново-Афонской пещеры

для жизни край, малярийный ад — на мыс Пицунда. Да-да, в то время это было гиблое место, где в зловонных болотах множились комары, разносившие малярию. Энергичный купец не сидел сложа руки. У абхазского князя Инал-Ипа он купил земли и тут, на морском берегу, устроил поместье, где был кирпичный завод, гидроэлектростанция, лесопилка, оросительная система, мельница, молочная ферма, завод по производству гераниевого масла. Игумнов выписал из Европы саженцы цитрусовых и начал разводить их тут, в Абхазии. Цитрусы прижились и стали распространяться по всему побережью. В советское время на плантациях Игумнова был организован цитрусовый совхоз, его продукция даже шла на экспорт. С малярией было покончено также в советское время. В водоемы была выпущена рыбка гамбузия, которая пожирала личинки малярийного комара, а высаженные повсеместно австралийские эвкалипты, подобно гигантским насосам, выкачали воду, осушив болота. Так Пицунда, Гагра и другие населенные пункты Абхазии превратились из малярийного ада в курортный рай.

Покидая Абхазию, мы снова вернемся в Новый Афон, изумительной красоты городок, куда в послевоенные годы стали возвращаться курортники. Помимо лазурного моря, уютных кафе, величественного монастыря их привлекают также Ново-Афонские пещеры, которые были открыты полвека назад, в 1961 году, местными пастухами и юным в то время художником Гиви Смыром. Гиви живет тут, в своем доме на горе, во дворе которого он ведет археологические раскопки, извлекая из земли свидетельства славного прошлого древнего города Анакопия. Гиви продолжает рисовать картины и раздаривает их своим многочисленным друзьям, водит их по залам открытой им карстовой пещеры. Как ни хорош лабиринт Ново-Афонской пещеры, у нее появился конкурент в Абхазии, правда, пока только для спелеологов и любителей «экстрима». Это пещера Воронья, открытая недавно в горе Арабика Гагринского хребта. Туда спускаются члены экспедиций, которые исследуют пещеру, измеряют ее, она уже признана самой глубокой пещерой в мире — 2800 метров! В самой глубокой точке Абхазии мы и закончим наше путешествие в прекрасную Страну Души. По-абхазски корень слова «пс» — душа (родственно греческому «psyche»), — этот корень лежит в основе многих абхазских слов. Абхазы считают, что у всего есть душа. Есть она у *ансабары* — природы, у *анстазара* — жизни, у *ансра* — расставания с жизнью, то есть смерти; есть душа у *ансыдз* — рыбы, у *ансаа* — птицы, у рек и поселков — Псху, Псырцха, Псоу. Она большая и добрая, как и душа всей Апсны, что значит Страна Души.

Ново-Афонская пещера. Каменный водопад